

Наталья Мамлеева
Надежда Мамлеева

Злобушка
для дракона

**Надежда Мамаева
Наталья Мамлеева**

Злобушка для дракона

Серия «Смотри не перепутай», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73295823

SelfPub; 2026

Аннотация

Забудьте, что читали в сказках, и приготовьтесь узнать, как все было на самом деле!

Она точно знает, почему фунт лиха, ибо сама подписывала на него смету. А еще – как управлять хозяйством, уговорить кредитора об отсрочке и... что совершенно не хочет замуж! Спасибочки, один раз чуть туда не вляпалась.

Но если один упрямый и наглый дракон решил сделать девушку счастливой, то спастись будет тяжело. И подделка документов, в смысле метки истинности, не поможет.

Что значит его не провести?! Как принц с туфелькой?! Да он просто все перепутал!!!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Надежда Мамаева, Наталья Мамлеева Злобушка для дракона

Глава 1

Обычно у меня сходилось все: и цифры в расчетах домашних книг, и корсет, и даже показания слуг, когда им приходилось устраивать допросы, выясняя детали очередного беспорядка. А челядь на него была горазда! Глаз да глаз нужен.

Впрочем, не за ней одной. За старшим братцем тоже. Этот балагур, весельчак и мот был способен прокутить за неделю всю королевскую казну – дай только волю и ключи от двери, за которой это золото спрятано.

Но бодливой корове вышние рога не дают, а Ричарду – денег в досталь. Только уже не небеса, а я, потому как, зная тягу старшего к расточительству, прятала все сбережения семьи в железный шкаф, под замок.

Да и не только братец любит сорить монетами – его три дочурки, мои племянницы, тоже не прочь. Что близняшки Ноэми и Дори, что младшенькая Синди. Правда, последней, в отличие от Доротеи, свое сокращенное имя не нравится,

а полное – Синдия – тем паче. И, начитавшись романтических баллад, моя племянница требовала, чтобы ее называли непременно Синдереллой и никак иначе. Дескать, окончание «-элла» отсылает к возвышенным эльфийским корням и делает ее более утонченной.

Хотя, как по мне, стройности в стане придают не буквы, а умеренность в еде и регулярные упражнения, а изящности в общении – знания. В том числе и этикета. Но, когда я подарила пару месяцев назад, на восемнадцатилетие, малышке Синди энциклопедию для благочестивых девиц, племянница скривила губы. Она ждала бального платья.

Но где его взять, если мы едва-едва рассчитались за дрова с поставщиком?! А ведь за окном уже – рой месяц! Пчелы на пасеках уже вовсю жужжат и собирают нектар одуванчиков.

А ведь есть еще портной, молочник, стекольщик, кузнец и, главное... мытник, ждущий от меня уплаты налогов! Да, такое ощущение, что все состояние наша семья хранит не как приличные люди – в банках или хотя бы сундуках, а исключительно в долгах!

И, кажется, только что их стало чуточку больше. Потому как я полагала, что по итогам подсчетов у меня окажется другая сумма и... Хотя бы без такого большого знака минус!

Но нет. Девяносто восемь золотых куда-то словно испарились. Просочились между строк. И все тут! Я мрачно глянула на кляксу, которая успела расплзтись от капли, упавшей с кончика пера. То я непростительно долго держала над ли-

стом, испещренным свежими записями.

Ну уж нет, я найду эту проклятую пропажу. Чего бы мне это ни стоило!..

Как выяснилось многим позже, поиски имели свою точную цену: два удара колокола, три мотка моих нервов, один дергающийся глаз и крик на весь дом:

– Ри-и-ичард!!!

И да, один заикающийся и бледнеющий единокровный братец перед моими очами. Да, он был старше почти на пятнадцать лет. Для иных – целая жизнь, за которую можно ума-разума набраться. Но братец сейчас просто... набрался. И стоял весь такой грациозный, обаятельный, привлекательный... В своих мыслях. На деле же Ричард так шатался, что меня, просто при взгляде на него, уже укачало. Легкое амбре довершало образ человека, которому вчера было очень хорошо и сейчас от этого невероятно плохо.

– Мартиша, – морщась, словно мой голос доставлял ему физическую боль, просипел родственник. – Ну зачем столько крика из-за жалких денег. Ну подумаешь, повеселился я вчера чуток...

– А перед весельем сунул нос не только в железный ящик с монетами, но и в расходные книги!

– Ну, согласись, ловко ведь я два нуля вписал! – выдал братец тоном, в котором не было ни сожаления, ни раскаяния, ни извинений. Ничего лишнего. Одна только гордость за свою лихость и смекалку. – Ты ведь наверняка сразу-то

ничего даже и не заметила...

Выдав это, Ричард свел осоловелый взгляд к собственной переносице, а потом устремил этот взор на меня.

Выглядело это так, словно братец пытался выстрелить из захмелевшего двуствольного мушкета – и тебя разбирает не столько страх, сколько любопытство: куда же, собственно, полетят пули из таких-то загогулин? Логика подсказывала, что в совершенно разные стороны... Впрочем, мне сейчас было не до гипотез. Я предпочитала практику. Оздоровительную.

Щелчок пальцев, заклинание очищения (правда, не моего кабинета от братца, а его организма – от ядов) – и вот уже Ричард был как огурчик. Зеленый, сморщенный и недовольный тем, что на него покусились.

– Четтери! – глотая ртом воздух, выдохнул старший.

Ого. До второго моего имени дошел! Видать, проняло братца. Интересно, а третьим он меня почтит? Оное Ричард вспоминал обычно в мгновения крайней злости.

Вообще-то, матушка, явив меня на свет двадцать пять лет назад, возжелала для своей дочери имя непременно красивое, древнее и затейливое (не иначе, как и Синди, питала слабость к балладам). Но одно выбрать не смогла. Так что, недолго думая, взяла все три. Мартиша-Четтери-Харпер. Звучит гордо, если не сокращать каждое из них до первых двух букв.

Наш с Ричардом отец, будучи тогда уже во втором (и на

этот раз не договорном) браке, молодой супруге перечить не стал. Ну хочет она дочь назвать сразу тремя именами – пусть так. Не дюжиной же.

Ну правильно, отцу-то чего! А я теперь мучаюсь, да и знакомые путаются, как ко мне, собственно, обращаться... Впрочем, братец сейчас по этому поводу ничуть не переживал. Он был занят другим – негодовал! Раздувал ноздри, бурлил меня возмущенным взглядом, словно штольню хотел прокопать, грозно сводил брови к переносице.

– Я попросил бы тебя не смей применять на мне свои бытовые заклинания!

– Не будешь воровать – не буду и применять, – покладисто согласилась я.

– Я... что?! Да это мой дом! И железный сундук мой! И все здесь мое!

– И долги, и кредиторы, и подати, которые в казну нужно платить, – услужливо перечислила я.

Братец сник. На него эти слова действовали почище любого успокаивающего заклинания.

– Мартиша, да что ты кипяتيشься-то... – уже примирительно протянул он, садясь на стул, стоявший напротив моего стола. – Ну не такая это большая сумма...

– Но именно столько мы должны портному, – отчеканила я, задумчиво глядя в окно.

– Я думал, что отыграюсь вчера... – печально протянул братец, в котором, судя по тону, наконец-то проснулась со-

весть. И где только вчера эта паразитка была? Ее что, кошельком с деньгами придавило?

– Ну ты и правда хорошо поиграл... – мрачно выдохнула я и добавила: – На моих нервах сегодня. Что делать-то будем?

Ричард на это развел руками, горестно вздохнув, и покачал своей кудрявой, уже изрядно посеребренной сединой буйной шевелюрой. Мне же захотелось дать по этой кучерявости как следует. Лопатой. Но не поможет ведь. К тому же, по сути, братец – не плохой человек, просто со слабой волей. И я ему обязана по меньшей мере свободой, а на деле – и жизнью.

Так что тряхнула головой. Не то чтобы это могло помочь прогнать оттуда мрачные мысли. Но взбодрило. Особенно когда в шее хрустнуло.

– Ладно, я сейчас съезжу поговорю с портным, попрошу у него отсрочки, – приняла я решение. – А ты пока, будь добр, поведай, как сумел сейф открыть?

– Так он не заперт был... – настолько честно, что я не поверила ни единому слову, протянул братец.

«М-да, придется новый запор вешать», – поняла я и, встав из-за стола и выпроводив Ричарда (талантливый шельмец все же, надо же так ловко замок взломать!), сама начала собираться в город.

Благо карета для этого дела была ни к чему. Велев конюху оседлать мою любимую Белоснежку, накинула плащ и отправилась верхом.

Лошадь фыркала, выбивая копытами такт, который молоточками отдавался в сознании. Мы со Снежкой сегодня обе были черны и мрачны. Я – мыслями, кобыла – мастью. Вот не знаю, кто додумался черную как смоль лошадь назвать так, но... купил брат ее уже с этим прозвищем, и на другие свое-нравная животины ни в какую не отзывалась. Так что долж-венствующая по имени быть белой Снежка щеголяла воро-ными боками. А я восседала на ней в столь же темном плаще.

Не хватало косы для полноты образа – и вышла бы насто-ящая госпожа Смерть в капюшоне. Хотя нет, вру, коса таки была, только не с череном и лезвием, а заплетенная из свет-лых, точно лен, волос. Все же жаль, что шевелюра мне доста-лась не рыжая, каштановая или золотая, как у племянниц, а снежная. Порой из-за такого оттенка волос я сама себе каза-лась седой.

Но сегодня распогодилось, и я была даже рада светлой го-лове: ее не столь сильно припекало, когда я откинула капю-шон, пытаясь хоть так охладиться.

Солнце, уже не просто ласковое, а щедрое, теплое, не про-сто светило – палило так, что парило: от молодой травы на полянах поднимался легкий, зыбкий пар, будто земля ти-хонько дышала после долгого сна.

Лес по сторонам дороги уже не был сквозистым, как ме-сяц назад. Он загустел. Каждая березка была окутана обла-ком изумрудной дымки – это лист, еще липкий и нежный, разворачивался из тугих почек. А ниже, в подлеске, царство-

вала черемуха – вся в белой кипени, будто обрызганная молоком. И от нее плыл густой пьянящий дух. Оттого кружилась голова: запах меда, горького миндаля и обещания лета потихоньку вытеснил все печали и заботы.

Хотелось слушать и слушать птичий гомон, в котором были и щебет синиц, и четкая дробь дятла, и журчащие трели дроздов.

Эти несколько миль по лесной дороге словно перекроили всю меня, очистив голову и придав сил. Правда, все очарование быстро поблекло, стоило мне въехать в городские ворота.

Столица встречала гостей грохотом, вонью и суетой. Каменная мостовая, выщербленная подковами и телегами, вилась змеей меж домов, которые стояли порою столь плотно, что я, вытянув руки, могла коснуться противоположных стен. Впрочем, узкие улочки при приближении к центральной площади начали шириться, так что я лавировала между груженными повозками, прохожими, экипажами, стадом гусей, которых гнал на скотный рынок мальчишка с длинным прутом.

Нос ловил уже совсем иные ароматы: горячего хлеба, конского навоза, дегтя и человеческого пота. По ушам бил гвалт толпы – это в базарный день гудели торговые ряды, которые я миновала по дуге и начала забирать в гору.

И, поднявшись на горбушку мостовой, я не смогла не взглянуть на него. Каждый раз, приезжая в столицу, смотре-

ла... Королевский дворец. Он стоял на вершине, чуть в стороне от города, будто вырезанный из гигантской мраморной глыбы.

Пики башен словно пытались наколоть на свои острия легкие облака, а меж ними были этикие тарелочки на высоких ножках – посадочные площадки для королевской крылатой династии. Интересно, удастся ли в этот раз увидеть кого-то из драконов? Владыку, его супругу, кого-то из принцев или принцесс?

Меня, мага-бытовика с небольшим резервом, мощь, которая исходила от огромных чешуйчатых тел, взмывающих в небо, точно стрелы, завораживала.

Я смотрела, пока шея не затекла, но так не увидела ни одного парящего на голубом небе силуэта. Жаль...

А потом снова опустила взгляд на ухабистую реальность под копытами Снежки.

– Да, подруга... Это вам не сказки, а реальность, здесь не глазеть, а пахать надо. И просить. Чтоб вошли в положение, подождали еще немного возврата долга...

Свернула в Ткацкий переулок, решив срезать путь к салону заказного и готового платья магистра Фейя.

Через улицу, точно флаги, на веревках висели простыни, порты, рубахи, детские платьица... Все это колыхалось на слабом ветру, отбрасывая на мостовую причудливые синие тени. Воздух пах щелоком и сыростью.

Здесь было тише. Да и солнце сюда заглядывало реже. За-

то жизнь кипела, бурлила, как котелок с похлебкой в печи, а сунувших в нее нос любопытных могла и паром обжечь.

В этом я убедилась лично, когда над головой что-то зашумело и захлопало. Времени на чары не было, потому я лишь надернула капюшон, готовясь к тому, что сейчас из распахнувшегося окна под ноги Снежки выльется содержимое ночной вазы.

Потому как это в богатых домах были утилизационные артефакты, а то и вовсе трубы, а здесь жили простые люди. Со своими потребностями. И сейчас кому-то, похоже, потребно было сделать свой дом немного чище, а улицу со сточными канавами – чуточку грязнее.

Но как же я ошибалась!

Вместо плеска услышала... пусть будет просто крик. Сдобренный крепким словом, коротко бранный, почти цензурный... крик. А после, цепляясь за веревки и белье на них, на меня обрушилась та самая бойкая жизнь бедняцкого квартала. А с ней – и абсолютно голый мужчина! Ну, может, и не совсем голый, но ни задни... ноги (я, демоны подери, все же леди!), ни широкая спина мной в одежде замечены, как и братец на месте преступления, не были.

Может, такому повороту судьбы какая дама и обрадовалась бы: считай, к ее ногам упал нагой кавалер. Но только не Снежка. Стоило незнакомцу рухнуть сначала на шею кобыле, а с нее – и на мостовую, как моя лошадь истошно заржала. Ну точно благородная девица при виде мыши.

Снежка встала на дыбы, замолотила передними копытами по воздуху, затряслась, словно на ней не хозяйка сидела, а бешеная горгулья, и... Скинула меня.

Я с размаху села в лужу во всех смыслах. Грязь чавкнула, принимая меня в свои теплые (по такой-то жаркой погоде) объятия, а кобыла, ударив подковами о брусчатку, получила свободу и умчалась на вольные хлеба, не иначе как в сторону ближайшей пекарни.

– Ну, погоди, паразитка! – сквозь зубы выдохнула я, пытаюсь понять: так ли мне плохо, как я себя чувствую.

Впрочем, не я одна оказалась с подмоченной репутацией. Любитель полетов с крыши (а откуда еще мог сигануть этот белобрый тип?) таки оказался совершенно нагим. Настолько, что поспешил прикрыть свои чресла первым, что попало под руку, – коротенькими рейтузами в голубой колокольчик. Женскими!

Причем блондин сделал это так проворно, что я даже рассмотреть ничего не успела. А мой девичий (хотя кто-то из своих восемнадцати лет мстительно цедил сквозь зубы, что стародевовый) организм, может, такого аморального зрелища и желал в качестве моральной компенсации за пережитое падение!

И хотя все остальное у летуна было приятно взору: и широкие плечи, и сильные руки с проступившими от напряжения жилами, грудь и торс, покрытые разводами грязи и... царапинами, свежими, розовыми полосами, пересекающими

рельеф мышц, – основное (а конкретно сам падший из окна тип) своим видом намекало на неприятности. Надеюсь, не для меня...

Взгляд метнулся выше, туда, где были и высокие скулы, и упрямый подбородок, и прямой нос с едва заметной горбинкой, и губы – тонкие, без романтической пухлости, а четкие...

Невольно сглотнула. Хорош паршивец. Последний между тем встал, опираясь на одну ногу.

Его поза была обманчиво расслабленной, а глаза... Я наконец-то встретила с его взглядом цвета стали. Так смотрят на мир, не ожидая от него подарков, скорее уж проблем.

В незнакомце не было ни смущения от наготы, ни извинений. Был только холодный расчет. Ну и чужая рубашка, которую он прихватил с оборванной веревки. Он взирал на меня так, будто я была не пострадавшей, а внезапно возникшим препятствием.

Захотелось прикрыть глаза и отвесить себе подзатыльник. Мартиша-Четтери-Харпер, приди в себя. Иначе упадешь не только в лужу, но и в собственных глазах! Да так, что можешь даже разбиться. Поэтому давай вставай...

Впрочем, я не успела подняться сама. Блондин протянул мне руку. И тут разом случились две вещи: что-то вспыхнуло и что-то хлопнуло.

Первое – перед моим лицом. Второе – над нашими с незнакомцем головами. А потом раздалось сварливое:

– У, паразиты! Чей-то вы тут устроили! А ну, гаденыш,

ложь мою рубаху! И рейтузы ворочай! Сволочь! Я вам шас задам, ворюги! И это средь бела дня! Соседи, глядите, что творится!

Судя по выражению лица блондина, только что поименованного сволочью, ничего он отдавать не собирался. Да и вообще привык действовать по принципу: пришел, увидел, победил. В смысле: прилетел, схватил, надел...

Вот только крики старухи из окна третьего этажа пробудили самое древнее человеческое зло – любопытство. Тут же захлопали створки и в других окнах.

Первым сориентировался блондин:

– Ну как, бежим или дальше будешь принимать грязевые ванны?

Я тихо выдохнула сквозь зубы все, что думаю о всяких типах с падучей болезнью, но руку приняла, и меня выдернули, словно пресловутую репку из грядки. А после и потянули в какой-то переулок, уводя от карги... кары! Исключительно кары небесной, заключенной в теле одной очень активной старушки.

Глава 2

Бежим. Я уже и сама не понимаю, почему бегу вместе с ним, будто это именно я развлекалась с кем-то незаконно. А иначе как и откуда он мог упасть сверху? Дело ясное: вывалился из окна любовницы. Не грабил же он нагишом кого-то на верхнем этаже? Хотя... если у девицы какой честь крал – то тогда да, можно считать и воров...

И почему-то этот факт раздражал меня с каждой секундой все больше, а руку вырвать хотелось все сильнее. Вон даже ладонь уже чесаться начала. Да так сильно, что хочется вложить в неё сковородку и ка-а-ак огреть!.. И светловолосый затылок так удобно перед глазами маячит...

– Куда?! – внезапно ворвался в мои мысли приятный мужской баритон.

Я быстро пришла в себя и огляделась. Мы стояли в переулке, где два движения: направо и налево. И мне-то нужно направо, к портному, но вот налево был небольшой темный переулок, куда за нами бабка точно не увяжется. Слухи ходили о том переулке не самые приятные, особенно для суеверных горожан...

– А ну, стоять! Панталоны вернуть! И рубаху... мужа-то она, мужа! – сокрушалась бабуля.

Стало стыдно. Самую малость. Вроде украла не я, а чув-

ствую себя преступницей. И ладно бы обвинили в воровстве редкого бриллианта – это даже звучит гордо, но... сесть в тюрьму за рейтузы?! Ну уж нет! Братец и племянницы меня засмеют!

Этот факт придал мне сил, и я ускорила, сама дернув незнакомца.

– Налево! – скомандовала я, и мужчина побежал за мной и довольно быстро вырвался вперед, утягивая меня следом.

Вот и зачем помчалась за ним? Теперь пути назад нет. Так и представила наш преступный синдикат: “Рейтузы и Ко”. Злостные похитители нижнего белья и сорочек, промышленяем в больших городах и крупных селениях, перебираемся из королевства в королевство, наращивая темпы, и однажды одним упоминанием о нас будут пугать молоденьких женщин...

Я покачала головой, стараясь выбросить из нее лишние фантазии. Уф, привидится же такое!

Темный переулочек уже маячил впереди. Мы влетели в него и скрылись в сумраке. Бабуля резко затормозила, буркнула что-то о потусторонних силах и ценах на новые рейтузы и поспешила в обратную сторону.

А мы застыли. Я сама не заметила, как незнакомец притянул меня к себе, разместив ладони на моей талии, ведь в этот момент думала: а почему нынче панталоны? Может, и вправду дорого стоят, оттого и выгодно стало их воровать?..

– О чем думаешь?

Медленно подняла взор. Светлые глаза слегка светились в темноте. Я вдруг осознала две вещи. Во-первых, передо мной маг! Во-вторых, я ни за что, ни за какие коврижки не раскрою, о чем в этот момент думала! Потому что признаться красивому мужчине, что думаешь о ценах на рейтузы, – это слишком компрометирующе.

Впрочем, учитывая, в чем этот самый мужчина стоит передо мной, это не самый щекотливый момент. И вообще, это ему в пору смущаться! Чего это он, маг, и промышляет таким недостойным делом, как воровство?

Ладно-ладно, все это шутки. Действительно шутки. По факту я понимала, почему он упал и решил прикрыться, чем высшие пошлют. Кто ж виноват, что он, судя по всему, решил схватить любимейшее нижнее белье хозяйки?

– О, проклятье, – ответила задумчиво. – Говорят, что тот, кто попадает в этот переулочек, обречен вечно искать недостижимое.

– Что это значит? – нахмурился мужчина.

– Ну, легенды такие ходят. Кто ищет любовь – никогда не найдет, кто ищет богатств – никогда не сыщет, кто власти желает – не обретет... а все из-за переулка. Чувствуешь тут туман и холод?

– И правда – туман, – только сейчас огляделся мужчина, но руки с талии не убрал. – Скорее всего, здесь проходит узел городской канализации с горячей и холодной водой, нагретой от артефакта. Он забирает слишком много тепла из окру-

жающей среды. От перепада температур и образуется туман.

Я вскинула брови. Образованные нынче воры пошли!

– Только не говори об этом городским жителям, иначе честным вора́м рейтуз укрыться негде будет, – доверительно сообщила я, стараясь не улыбаться.

Несколько секунд блондин смотрел на меня, после опустил взгляд вниз, на свою одежду, вновь поднял взор к моим глазам и... рассмеялся! Причем, что самое обидное, он не смотрелся смешно. С его натренированным телом любая одежда будет его украшать, не говоря уже о мужественных чертах лица. Такого хоть в платье обряди – будет видно мужскую статью.

Как же хорош, зараза!

– Я компенсирую той женщине все, – откликнулся он и оглядел меня, слегка смутившись. – А ты не могла бы одолжить мне свой плащ?

– О, ты перешел с воровства нижнего белья на верхнюю одежду? Растешь! – фыркнула я и, немного подумав, отстегнула фибулу. – Не знаю, зачем тебе помогаю. Обычно герои-любовники не по моей части...

Осеклась, осознав весь смысл своей фразы. Смутилась, но подняла подбородок выше, чтобы он не понял моей реакции.

– А кто по твоей части? Быть может, принц?

– Разумеется, – фыркнула я. – Влюблюсь исключительно в принца! А после выйду замуж и рожу двоих... нет, троих детей.

– Отличный план, – как-то очень серьезно произнес мужчина. – И для справки: я выпал не от любовницы. Я... кхм... в общем, потом расскажу. При случае.

Мы застыли напротив друг друга, смотря слишком долго и пронзительно. Я начала нервничать. Странное знакомство. А мне ведь еще к портному...

– Снежка! – воскликнула я и посмотрела на выход из переулка. – Она ведь убежала где-то в городе... Удастся ли её поймать? Ох, бедная лошадка...

– Ты назвала свою черную лошадь Снежкой? – уточнил незнакомец, надевая мой плащ, и усмехнулся: – Оригинально. Но не волнуйся. С этим помогу.

Он соединил мои руки лодочкой, обняв своими, так что я ощутила тепло его пальцев, и в сердце что-то екнуло, а после я почувствовала, как из наших ладоней потянулась тонкая ниточка, чтобы устремиться дальше, в город.

– Ты найдешь её. А чуть позже я найду тебя.

Он взял мою руку, провел по ладони пальцами – а она еще так ужасно чесалась! – и после наклонился и... запечатлел поцелуй на моих губах. Мимолетный, но многообещающий. Сердце заколотилось как бешеное. Еще никто прежде не срывал с моих губ поцелуй столь безнаказанно! Вот правильное о нем было первое впечатление – ворюга!

– Ты... вы... да как вы...

– До встречи, невеста принца, – усмехнулся он и скрылся за переулком.

Я стояла, как громом пораженная. Без плаща, без кобылы и без первого поцелуя, который нагло сперли!

Снежку я действительно нашла. К счастью, в городе меня никто не узнал как спутницу вора: я была в плаще, а вот о самом воре рейтуз говорили еще много. Мастер Фей, у которого я просила отсрочки оплаты за бальные платья для девочек, всерьез переживал за свой товар.

– А никак и на мои панталоны покусятся? А они ведь у меня все из чистейшего шелка!

– Не волнуйтесь, мастер Фей, судя по информации, он промышляет исключительно уносом рейтуз на себе, а ваши прекрасные женские панталончики на него просто не налезут, – попыталась успокоить портного.

Он заметно расслабился, я же пыталась подавить улыбку и не представлять того незнакомца в соблазнительном белье. Я должна на него злиться! Однако почему при воспоминании о нем вместо злости появляется предвкушение? И рука сразу начинает чесаться сильнее.

– Мастер Фейа, так мы договорились об отсрочке? – уточнила я с невинным выражением лица.

– Да-да, разумеется, – кивнул мне мужчина. – Хотя я вынужден буду начислить пеню. Вы ведь все понимаете, время непростое...

Я вздохнула. Время непростое. Особенно для меня.

У нас с братом большая разница в возрасте. Я ему в дочери гожусь – собственно, после смерти наших родителей он и

стал мне фактически отцом, официальным опекуном. И, когда по договору виконт Блю Беар попытался стребовать меня замуж, брат защитил, сказав, что его сестра выйдет по любви и за того, за кого сама пожелает.

Ричард добрый человек. Он любит своих дочерей. И близняшек, и Синди. В нем лишь два недостатка: азарт и неведение. Причем второе без первого не было бы такой проблемой...

– Спасибо, мастер Фейя, – улыбнулась я натянуто и попрощалась, поспешив к Снежке.

Долго гладила кобылу, все вспоминая того незнакомца. Я ведь даже имени его не знала! Как и он моего. А его обещания о том, что он найдет меня, – вздор и глупость...

Оседлав Снежку, я вернулась домой все еще в задумчивости. Влетела в холл. Мне навстречу тут же выбежали близняшки.

– Ма-Че-Ха, Ноэми опять брала мои заколки! Ты обещала её наказать, если она вновь возьмет мои вещи!

– Я не брала! – закричала Ноэми. – Дори все лжет! А все из-за Тобиаса, сына бургомистра, он положил на меня глаз и пригласил на свидание. Дори хочет пойти вместо меня!

– Да кому он нужен?! – фыркнула Ноэми, покраснев. – К тому же с чего ты взяла, что ты ему понравилась? Он же нас просто не различает!

Сестры опять принялись браниться. Я прошла мимо, не став ввязываться в бессмысленный спор, и заглянула на кух-

ню. Нужно было распорядиться об обеде...

– Ма-Че-Ха! – вновь услышала я, но на этот раз от Синди. Её щеки вновь были измазаны в золе. Я достала платок и прошла вперед, чтобы вытереть ту. Она училась магии, в особенности магии огня, и часто сидела перед камином, пытаясь разжечь пламя, вот и лицо были вечно в копоти. – Ты уже заказала платье на бал? Скажи, что заказала? Ну пожа-а-алуйста!

– Платьев не будет, пока мы не выплатим долг, – ответила спокойно и убрала платок. Ладонь вновь зачесалась. – Синди, ты ведь уже взрослая, должна понимать, что некоторые обстоятельства играют против нас. К тому же мы уже говорили с тобой, что тебе еще только восемнадцать, еще успеется на балы. Твоим сестрам уже по девятнадцать!

– Но я взрослая! Что мне до них? Я тоже хочу выезжать в свет!

– Сначала мы выдадим замуж близняшек. Так полагается. Тебе некуда спешить. Ты можешь заняться учебой...

– Не хочу, – фыркнула Синди и схватила меня за ладонь. – Ну пожа-а-а... Ой, а что это у тебя?

Я опустила взор, не веря своим глазам. На ладони распускалась роза! Цветной рисунок словно оживал на моей руке!

– Что это? – недоуменно спросила я и нахмурилась. – Не понимаю.

– Точно не понимаешь? – прищурилась Синди и прикусила губу. – Это очень похоже на... кхм, а впрочем, неважно.

Книжечек надо больше читать, Мартиша! О, у меня идея! А давай я перерисую и сама поищу в библиотеке, что бы это может значить? Ты ведь знаешь, я отлично рисую!

Что правда, то правда. У Синди настоящий талант художницы!

Отказываться было бессмысленно. Не каждый день племянница сама предлагает помощь. Я быстро раздала указания об обеде, а после поднялась в спальню племянницы. Здесь, как всегда, был беспорядок. Я не наседала с уборкой, поэтому и сейчас привычно проигнорировала. Горничная была одна и всего не успевала. А у конюха и кухарки были свои заботы.

– Сейчас, сейчас, – пробормотала Синди и начала рисовать красками.

У неё действительно отлично получалось. Вскоре точно такой же рисунок, как на моей ладони, уже красовался на листке. Выглядела Синди донельзя довольной.

– Ты можешь идти, – задумчиво и нетерпеливо сказала племянница. – А я в библиотеку.

Мне же проще. Дел невпроворот.

– Тиша, – позвал меня братец, едва я вышла из комнаты, – знаешь, из города донесли пугающие слухи. Говорят, вор завелся. Среди бела дня промышляет! Я бы не хотел, чтобы впредь ты ездила туда одна, пока этого вора не поймают.

– Было бы что у нас воровать, братец, – фыркнула я.

– Ну так рейтузы мы еще можем себе позволить, – отмах-

нулся Ричард. – Так что будь осторожней.

– Ну если на кону потеря рейтуз, то конечно, – серьезно откликнулась я и проводила спину брата насмешливым взглядом.

М-да, вляпалась в историю.

Обед вскоре был готов. Близняшки уже не спорили и с удовольствием ели суп. Братец вновь завел разговор о городском преступнике, на что сестрички лишь закатывали глаза и продолжали обедать. Я задумчиво ковыряла ложкой и поглядывала на знак на своей руке...

Внезапно по дому словно прошла магическая волна. Будучи бытовым магом, я чувствовала колебания в пространстве, что меня сразу же насторожило. Я резко подняла взгляд в сторону выхода.

– Ай! – внезапно сказали близняшки одновременно и посмотрели на свои ладони.

На них расцветал точно такой же знак, как и на моей... Что вообще происходит?!

Кажется, я знала, где искать ответ. Встав из-за стола, я быстро вышла из столовой и поднялась вверх по лестнице. Синди обнаружилась, как и полагалось, в библиотеке. Только вот вокруг неё сиял магический круг, в котором она разместилась вместе с недавним рисунком и счастливо смотрела на свою ладонь... с точно таким же рисунком!

– Получилось, получилось! – заголосила она и сникла, заметив меня.

Быстро поднялась на ноги и попыталась спрятать руку за спину. Но я ей не позволила. Схватила за запястье и повернула, внимательно рассматривая. Синди выглядела виноватой.

– Ну и что это означает? – спросила требовательно.

В этот момент с улицы раздались крики. Мы осторожно подошли к окну. Я заметила молоденьких соседок, которые о чем-то громко переговаривались.

Открыла окно и выглянула.

– А что происходит? – тихо спросила племянница.

Я же была мрачнее тучи. Ох и дуреха! Недоучка! И ведь хотела я её в магическую академию отдать, но нет, уперся братец, что нечего деньги зря тратить, книги вон по магии есть, пусть читает! Так что дипломированных магинь в семье не было, а вот дурехи – еще как!

– Благодать! Благословение небес! – призывно вещала соседка.

– Мадам Торин! – позвала я её с самой приветливой улыбкой. – Не могли бы вы сказать, что тут происходит?

– Да как же что, Мартиша? Благодать! На двух моих незамужних дочках расцвел знак драконьей метки!

– Драконьей... что?! – рыкнула я и тут же постаралась взять эмоции под контроль. – Не могли бы вы рассказать подробнее об этом, дорогая?

– Да что ж вы, Мартиша, любовные романы о драконах не читаете? Все ж об этом говорят! Метка на руке появляется

– метка истинной! Вон у меня, у дочерей, появились и у соседки, Любуши, тоже! А у ваших?

– И у моих, – ответила, скрывая раздражение. – Спасибо за известия!

Соседка что-то еще говорила, припевала и пританцовывала. А я нависла черной тучей над племянницей.

– Мартиша, ну что ты? Ну подумаешь...

– Подумаешь?! Ты распространила метку на всех! – рыкнула я.

– Да я ж как лучше хотела... Ты же замуж не хочешь? Не хочешь! А я – хочу! Да еще за дракона. Вот и хотела забрать себе метку, а кто ж знал, что так получится...

– Недоучка, – рыкнула я. – В академию тебя надо, а не замуж.

“Жаль только, денег на обучение в той у нас нет”, – добавила про себя.

Но сама я тоже была виновата. Драконы ведь редкий вид, о нем в книгах по бытовой магии не рассказывают. Там все как-то приземленнее, что ли, не о парениях в облаках на крыльях мечты, а о том, как извести в доме тараканов...

Вот я и не знала, что есть какие-то метки. Нет, конечно, об истинных драконах слышала, но не вдавалась в подробности.

Это что же получается? Я – истинная дракона? А не того ли, в рейтузах? И не потому ли он свалился вниз, внезапно став человеком? Голый, с неба... все сходится! Возможно, магия притянула его ко мне...

А что теперь? Он же не найдет меня. Да и надо ли, чтобы он меня искал? Истинных теперь у него пруд пруди, выбирай любую...

– Ну что, ругаться будешь? – насупленно спросила Синди.

Я вздохнула и провела ладонью по лицу.

– Иди уже. Только приберись здесь сначала.

И вышла, сама еще не решив, как быть дальше.

Глава 3

Когда вошла к себе в комнату, меня била мелкая дрожь. Не от холода: в доме, нагревшемся от ройского жаркого солнца, было тепло. От злости. На нелепость ситуации, на то, что стоило бы, зная Синди, насторожиться, отчего она сама вызвалась помочь с этим знаком. И да, и сам знак тоже бесил! Он зудел, пульсировал, жег. И ладно бы это была почесуха от проклятия – с ней хотя бы понятно, что делать: к гадалке не надо ходить (только к ведьме!). А тут – драконья метка. Истинная.

Я стояла перед зеркалом в своей спальне, сжимая и разжимая кулак. Роза не исчезала. Она будто жила своей жизнью – лепестки чуть шевелились, оттенок переливался от алого к розовому. Красиво. Невыносимо красиво.

– Как пришло, так и уйдет, – сказала я себе вслух. Голос прозвучал хрипло и неуверенно. – Нечего голову забивать. Она и так трещит от кучи дел, забот, планов.

Но голова, кажется, жила отдельно ото всей Мартиши-Четтери-Харпер и забивалась самостоятельно, хотя, казалось, в ней столько всего, что ни одна лишняя мысль больше и не поместится.

Вспоминался переулочек. Туман. Холодный взгляд, отливавший сталью. Мужские руки на моей талии. Улыбка,

скользнувшая по четко очерченным губам.

На секунду подумалось, что этот вор рейтуз и есть дракон. Но в следующий миг тряхнула головой: да нет, быть не может!

Драконы – они же вершина аристократии. Выше них только боги... А разве будут небесные вседержители вываливаться из окон в чем мать родила? Нет, это просто какое-то стечение обстоятельств – и все. Ничего больше.

Что же до метки – увы, я уже не юная восемнадцатилетняя девица, чтобы верить в сказки. Да их, признаться, и в этом возрасте не читала. А вот книги по домоводству и бытовой магии – еще как! Потому что надо было вести хозяйство у брата, осваивать собственный, очень поздно пробудившийся (в шестнадцать-то лет, когда иные едва не с пеленок им владеют!) дар... Одним словом, тогда не до романтических баллад было. А сейчас – уже поздно.

Так что самое здоровое объяснение – я просто подхватила чужую метку истинности. Вот нормальные люди простуду хватают, адепты – неуды, а я – метку. Наверняка чужую. Потому как, уж если моя младшая племянница сумела с рисунком сотворить такое... Кто даст гарантию, что не одна она такая талантливая, сумевшая «срисовать» розу?

К тому же, кроме зуда, символ никаких проблем не доставлял. Ни жара в груди, ни томной неги в животе, ни учащенного сердцебиения – в общем, никаких признаков любовного томления, избранности или грудной жабы! Я была

абсолютно здорова!

Как, полагаю, и всё... стадо имени Синдереллы!

Племянница организовала своим заклинанием перенесения целый выводок истинных. Так что, неизвестный мне дракон, как говорится, бери любую – не ошибешься.

Враз в воображении возник образ чешуйчатого, который перебирает девиц с меткой, отчего-то скопом сидящих в башне (почему в ней? Сама не знаю. Наверное, каноны сказок виноваты!), хватает, осматривает, обнюхивает и говорит, ворча под свои пламенеющие ноздри:

– Опять не моя!

А потом бац – цапает когтистыми лапами очередную заточенную в башне и радостно восклицает:

– О, вот эта подходит!

И... дальше мое воображение отчего-то выкинуло кровавый фортель. Видимо, в слово «заточить» мое сознание вкладывало в первую очередь гастрономический, а не поэтический смысл. И заточить бутерброд было куда ближе сердцу, чем какую-то неизвестную девицу в темницу.

Я тряхнула головой, словно сбрасывая наваждение. Нет. Это не моя история. Моя – это кредитная. Про долги. А не про всякую там романтику, возможно, с гастрономическим уклоном.

Вон портной ждет оплаты. Еще скоро приедет мытник с налоговыми ведомостями. Да и три племянницы. И им нужно приданое. А сверху – как крышка гроба – братец, который

только и умеет, что проматывать остатки состояния.

«Состояния, – я горько усмехнулась, глядя на свое отражение. – Какое уж там состояние».

Надо было думать. Все эти годы я лишь латала дыры, которые проделывал Ричард. Вот только он не особо задумывался, откуда вообще брались деньги. Отец оставил не так много: старинный, но не слишком большой дом в паре миль от столицы, клочок земли да пару десятков крестьянских семей в дальнем поместье, которые исправно платили оброк.

Оброк – вот основа нашего дохода. Скромного, но регулярного. Плюс лес – брали плату за рубку дров у тех, кто охотился в наших угодьях. А еще небольшой сад: яблоки, сливы, ягоды. Часть шла на стол, часть продавалась на рынке. Мелочь, но и она капала.

А еще... еще была моя магия. Бытовые заклинания. Чистка, починка, мелкие охранительные ритуалы. Я никогда не афишировала это, но соседи знали. Иногда звали – помочь с поломкой, сглазом, заморозкой продуктов. Платили скромно, кто чем мог: едой, тканью, услугами.

Кузнец подковывал Снежку даром, молочник оставлял лишний кувшин. Это была неофициальная тихая экономика нашего дома. Без нее мы бы давно протянули ноги.

Но теперь и этого не хватало. Долги росли как снежный ком. Нужен был план. Нужен был жесткий, железный бюджет (нашей семье), железные нервы (мне) и железная воля братцу, чтобы он все же завязал со своей пагубной привыч-

кой! В общем, много металла для всех нас!

А еще найти дополнительный заработок. Что я могла? Считать – да. Вести хозяйство – да. Заклинания бытовые – да. Может, устроиться учетчиком в какую-нибудь контору? Или писать письма за безграмотных торговцев? Мысли путались, а метка на руке словно подмигивала мне, приводя в уравнибешенное состояние.

«Не сейчас, – прошептала я, накрыв ладонь другой рукой. – Не сейчас».

И, чтобы слегка остыть, решила заняться тем, что дарило мне успокоение, – разобрать старые счета. Найти, где можно еще сократить расходы. Может, продать что-то из старого хлама на чердаке? Безделушки моей матери... но потом вспомнила, что уже продала. Весной. Так что от моей мамы остались лишь бусы, которые я так любила и часто носила: простой речной жемчуг и бисер – особой ценности в них не было. Лишь память. А что, если проиндексировать ставку для лесорубов? Или обязать их самих высаживать молоденькие сосны после того, как они повалят на делянках столетние? Так восстановление будет идти в два раза быстрее, и в перспективе, лет через сорок...

Занявшись делом, я понемногу успокоилась. Цифры были надежны. Они не предавали. Не капризничали, не крали заколок, не взламывали железных ящиков и... не сбегали с чужими рейтузами!

И дался мне этот ловелас! Опять он! Как же выкорчевать

его из мыслей? А ну, пошел прочь, блондин. Но этот стервец, как назло, лишь отчетливее нарисовался в моем воображении. Со своей короткой стрижкой, губами вкуса зимней вишни, взглядом цвета отточенной драмрасской стали и низким бархатным голосом, который словно обнимал за плечи.

Ох уж этот голос – таким только любовные баллады петь! Исключительно непристойные, каковые юным девицам слушать не след, ибо от одних слов можно забеременеть. Благо я уже не юная. И мне все можно. Только нужно ли?

Вспомнилось, как в мои восемнадцать братец насмерть встал, чтоб не отдавать меня сосватанному еще моим отцом, упокой вышние его душу.

А ведь папочка сговорил меня замуж, когда мне еще десять лет только было, за сиятельного виконта Блю Биера, к тому моменту схоронившего уже семь жен! Этот старикан дожидаться не мог моего совершеннолетия, но тут оказия: мой отец преставился, а Ричард, ставший опекуном, уперся рогом.

Так я, к своему огромному счастью, и осталась в девках. И в замужество больше не стремилась.

К тому же подозреваю, что многие соседки мне по этой самой причине завидовали, считая стервой. Ну как же: живу без мужской воли над собой, наоборот, руковожу. Деньгами заведу. Ни побоев со стороны муженька, ни ежегодных родов. Опять же дети взрослые есть. Зовут, правда, мачехой. Но куда от собственного имени денешься, пусть для осталь-

ных это и звучит как семейное положение.

В общем, несмотря на все, я считала, что жизнь моя удалась и других мне не надо. И драконов в ней – тоже!

С такими мыслями, закрыв домовые книги, я и отправилась спать. А на следующий день, когда я обсуждала с кухаркой вопросы провизии (и хорошо бы эту неделю нам попоستиться – для блага фигуры и бюджета), с улицы донеслись дикий топот, крик и грохот, будто на дом неслось стадо разъяренных быков.

– Караул! Держите! – раздался чей-то визгливый голос.

Я вздрогнула, резко обернувшись. Кого еще нелегкая принесла?

Оказалось, что это была не нелегкая, а очень даже легкая. Вернее, облегченные, новейшей модели сапоги-скороходы! Весом в четверть фунта.

На них гонец-то не то что прибежал – прилетел. Его ноги, обутые в нелепые огромные сапоги с загнутыми носами, мелькали с такой скоростью, что сливались в рыжевато-кожаное пятно. Только пыль на дороге клубом вилась.

Королевский гонец промчался, едва вписавшись в наши ворота, чуть не снес их, сделав на подъездной аллее такой вираж, что из-под его сапог взметнулся фонтан гравия, и с грохотом выбил дверь, только так и остановившись.

Лицо парня было пунцовым от усилия, платье – в пыли.

Я вышла в холл, глянула на валяющуюся створку и, подперев рукой бедро, спросила без особых приветственных це-

ремоний:

– Простите, вам чего? – После вчерашнего у меня не было сил на придворные любезности.

– Приглашение! – выдохнул гонец, вытаскивая из-за пазухи сверток, перевязанный алым шелковым шнуром с королевской печатью. – От Их Величеств! Бал в честь дня исхода месяца! Через неделю!

Он сунул сверток мне в руки, отдышался и с гордостью выпрямился.

Однако... Нет, я знала, что праздники – это не только весело, но и повод. Причем такой, под который сбывается все, что целый год сбыть с рук не удавалось. А потому ушлые торговцы готовы поддержать любой самый незначительный предлог для торжества. В первую очередь акциями и скидками (и даже не с балкона!), но чтобы королевская семья этим промышляла...

Конец месяца! Вышние. Разве это причина для бала? Нет, чтоб день рождения короля. Или первый оборот какого-то из принцев в дракона... Нет. Просто начало лета!

Но кто я такая, чтобы о подобном говорить вслух.

Тем более я сама была в своем роде торговцем. И было у меня аж целых два товара. Еще не залежалых, но... как под копырку. Племянницы-близняшки. И хорошо бы их тоже сбыть добрым и порядочным купцам.

А бал – отличный для этого повод! Так что, Мартиша, как говорится, улыбаемся и паш... приветливо ручкой машем.

Меж тем гонец, которому я велела подать кружку воды, с благодарностью ее выхлебав, посетовал:

– Оббежал все самые дальние уголки королевства, леди! От горных долин до морских берегов. Вот теперь возвращаюсь в столицу, разношу последние приглашения. Ваш дом – предпоследний на сегодня. Уф! Вы уж не сердитесь, что задержался...

Парень вытер лоб рукавом, оставив грязную полосу.

– Спасибо, – отозвалась я, чинно кивнув.

– Не за что! – Гонец уже подпрыгивал на месте, разминая ноги. – Мне бежать еще! Всего вам доброго!

И он умчался, оставив за собой шлейф пыли и восторженный визг окрестной ребятни.

Я вернулась в дом, к окну в гостиной, где свет был лучше, и развернула приглашение. Толстый кремовый картон, изящный витиеватый шрифт, та самая королевская печать... Все как полагается. Бал через семь дней. Во дворце. «Присутствие всей благородной семьи в совершеннолетнем составе обязательно!»

Золотые слова. Значит, стоит показать обществу Ноэми и Дори. Вывести их в свет. Пристроить. Найти приличных женихов, пока у нас еще есть этот дом и видимость респектабельности.

Мысли закрутились с привычной деловитостью. Платьев нет, но... но у нас еще есть остатки столового серебра. Можно заложить их. Пусть хотелось оставить этот запас на са-

мый черный день. Да, на наряды с нуля не хватит, но... Есть неплохие бархатные портьеры в зале. Может, мастер Фейя, помня об отсрочке, за вырученные от серебра деньги согласится сшить что-то простое, но элегантное?

Нужно будет поговорить с ним. И с братцем. Ричард, конечно, обрадуется – бал, веселье! – но надо будет взять с него слово не играть в карты и не спорить о политике!

Я так углубилась в мысли, что не заметила, как в комнату впорхнула Синди. Щеки ее вновь были измазаны сажей, волосы были всклокочены.

– Что это? – просяла она, увидев у меня в руках сверток королевской гербовой бумаги. – Это для меня?

– Приглашение, – коротко сказала я, не отрывая глаз от текста. – На королевский бал. Через неделю.

Синди ахнула.

– Бал! Настоящий бал! Во дворце! О, Мартиша, это же... это же сказка! Мне нужно платье! Голубое! Или серебряное! С кринолином и...

– Не тебе, – оборвала я ее, наконец подняв взгляд. – Бал – для Ноэми и Дори. Это шанс найти им достойные партии. Кто возьмет твоих старших сестер замуж, если ты обручишься первой? Все начнут считать их перестарками...

– Как тебя! – со злостью выпалила Синди, кажется даже не подумав, что сказала.

Лицо племянницы пылало возмущением.

– Плевать на них! Но я тоже хочу! Я взрослая! Я имею

право!

– Мы уже говорили об этом, – голос мой стал холодным, а взгляд острым, как лезвие. – Сначала старшие. Так принято. Ты успеешь. Тебе есть чем заняться – уроками, магией. Балы и кавалеры подождут. Позволь тебе напомнить, что тебе всего восемнадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.